Королевские камни

Автор:
Карина Демина

Королевские камни

Карина Демина

Мир Камня и Железа #5

Что делать, если война отняла родителей и саму веру в людей? Если те, кто вчера называл тебя другом, сегодня предали? Если твой дом принадлежит чужаку, но идти больше некуда, ведь альве не выжить зимой? Ийлэ придется сделать выбор. Ненавидеть? Или, ненавидя, все же помочь вчерашнему врагу? Но враг ли он, Райдо из рода Мягкого олова? Он помогает, ничего не требуя взамен. Он защищает Ийлэ и, кажется, готов выступить против целого города. Но что нужно ему: сокровища, спрятанные где-то в доме, или же сама Ийлэ? И почему Ийлэ так важно знать ответ на этот вопрос?

Карина Демина

Королевские камни

Глава 1

Огонь и вправду оказался честной стихией.

Ненависть не вернулась; но и пустота, выжженная пламенем, не исчезла. Ийлэ ощущала ее дырой в груди, которую никто больше не видел. Эта дыра не мешала, нет, и порой Ийлэ вовсе забывала о ее существовании, но она… была.

Меж тем потянулись зимние дни, один за другим, пока вдруг не выяснилось, что зимы этой уже и не осталось.

Вернулась кухарка, а с нею конюх и две женщины в черных вдовьих платках. Они скользили по дому призраками, оставляя после себя запах горя и камфоры. Ийлэ сторонилась людей. А люди сторонились Ийлэ. Она словно не существовала для них. И пускай, главное, что дом больше не мерз.

Камины. И завтраки в гостиной, поскольку столовая слишком велика для троих. Нат и Нани, с которой он возится, будто бы с куклой. Райдо. Ийлэ. Игра в семью? Почему бы и нет. В этой игре есть место книгам и клавесину. Руки Ийлэ неуклюжи, и игра получается неровной, но никто не обращает внимания.

Обеды. Прогулки по двору. Ужины и долгие вечера.

– Расскажи. – Райдо устраивается на полу рядом с Нани, которая подобному соседству лишь рада. Она моментально выпускает из рук погремушку и, пыхтя, вздыхая от натуги, пытается развернуться. Руки ее вязнут в толстой шкуре, но Нани упряма.

– О чем?

– Не знаю… о чем-нибудь. О городе…

Для него истории Ийлэ – сказка, и, кажется, она сама начинает воспринимать их именно так. Легче становится.

На сказку нельзя затаить обиду.

Или злость.

Ей нельзя отомстить, и проклинать за обман бессмысленно, потому что сказка – это вымысел. Неправда. И Ийлэ ложится на кушетку, руки спускает до самого пола, гладкого, вылизанного солнцем добела, дотепла.

– О городе… давным-давно…

Райдо фыркает, и Нани заходится смехом, до того ей радостно… пускай, если радостно.

– Давным-давно, еще до войны… – И улыбка уходит из глаз Райдо. Жаль. Ей нравится смотреть, как он улыбается, пусть бы и радость эта иррациональна, но Ийлэ может себе позволить иррациональность. – В этом городе устраивали ярмарку. Ежегодную.

– Благотворительную?

– Конечно… мы собирали деньги для помощи сиротам… или старикам… или вдовам… мало ли… тогда, давным-давно, в мире всегда находились люди, которым нужна была помощь.

– Они и сейчас остались.

Ийлэ поморщилась: возможно, и остались, но нельзя путать сказку с реальностью, от этого будет больно. А она больше не хочет боли.

– Мне ярмарки нравились. – Ийлэ проводит пальцем по доске, которая гладкая, но все равно неровная, и ей странно, что одно возможно сочетать с другим. – Я рисовала… тогда у меня получались милые акварели. Розы в букете и нарциссы, а вот с гиацинтами не ладилось. Нет, все было очень точно, но выходили они какими-то ненастоящими, понимаешь? Безжизненными… а розы покупали хорошо. Папа делал шкатулки, то есть не совсем шкатулки, заготовки из дерева, крохотные, такие, которые на два кольца… и замочек с секретом… а мама украшала их раковинами и кусочками перламутра… всегда дюжину для ярмарки…

– А моя букеты из перьев делает, – признался Райдо. – Красивые.

И это тоже было неправильно. Нет, не то, что матушка его делает букеты из перьев, но сам факт, что у него где-то там, далеко, имеется мать и что она участвует в ярмарках. И что сами эти ярмарки существуют с их кукольным театром, лавочниками и коробейниками, палатками, в которых можно увидеть какое-нибудь чудо, непременно рукотворное, но оттого не менее волшебное…

– Мамины шкатулки всегда пользовались успехом, особенно когда кто-то собирался сделать предложение… их продавали с аукциона, и все в городе знали, для кого… то есть кто будет играть свадьбу, и… и, наверное, это ерунда?

– Наверное.

Райдо легко соглашаться.

Он рядом, на полу, перевернул Нани на спину и щекочет, а та дрыгает ногами, пыхтит не то от возмущения, не то от восторга.

– А в этом году ярмарка будет? – поинтересовался Райдо, позволяя Нани перевернуться-таки на живот.

– Не знаю. Наверное. Почему нет?

– Действительно. – Он произнес это странно. – Почему нет?

Потому, что война закончена и город ожил, ему тоже надо затянуть раны, притвориться, будто бы и не было ничего…

– Каждый год за неделю до начала ярмарки выбирают королеву… – Ийлэ гладила доску и жмурилась: солнце яркое, близкое такое. – На площади ставят зеленую палатку, а в ней – ящик. Он заперт на три замка и опечатан. В этот ящик каждый горожанин может бросить бумажку с именем девушки, которая достойна надеть корону…

– И ты…

– Нет. – Ийлэ покачала головой. – Меня выбирали, но…

– Но?

– Отец запретил.

– Почему?

– Понятия не имею, но это было странно… Райдо…

– Да? – Он повернулся к ней, уставился… глаза-зеркала с темными зернами зрачков.

– Ничего, но… у тебя случалось, что вот ты живешь-живешь… все кажется таким обыкновенным, привычным, а потом оглядываешься и понимаешь, что ты многого не видел. Не замечал. Почему так?

– Не знаю.

– Он ведь никогда и ничего не запрещал просто так… он был хорошим…

– Верю.

– Очень хорошим… замечательным. И меня любил. И маму… а этот случай… ерунда же… титул этот… королева весны. Зачем выбирать королеву, если весна почти закончилась? Но обычай… обычаи порой напрочь лишены смысла… а кроме титула положен венок из полевых цветов… его красивым плетут, но все одно – это лишь венок. Из полевых цветов. И мантия шелковая… зеленого цвета… – Ийлэ вздохнула, вспоминая, как примеряла ее.

Не новая, не сказать, чтобы красивая, но такая желанная…

Мантию подшивали. И обновляли. И матушка подкалывала ее булавками, ворча, что Ийлэ могла бы подрасти еще немного, тогда бы и шить не пришлось.

– Он вошел и увидел меня в этой мантии. И побледнел даже… сорвал ее… бросил… он никогда не позволял себе вот так… и на маму накричал… она пыталась сказать, что эта мантия ничего не значит, что это все – не взаправду… а он… – Ийлэ замолчала, пытаясь понять, почему вспомнила именно этот эпизод. – Он сказал, что я и в шутку не должна примерять на себя корону.

Райдо, нестарый ты пень!

Несказанно рад получить от тебя письмецо. Новости, как выражается моя дорогая супружница, преудивительные и прерадостные. Я охренительно счастливый узнать, что ты не только не помер, но и не собираешься. Что до остального, то готов оказать тебе всяческое вспомоществование.

Читал твое письмецо и чухался, что лишайный. А сам знаешь небось, что шкура моя и задница, которая чует неприятности, никогда не ошибались. Снова ты прав, дорогой командир, в том, что на этакое сокровище желающих найдется, и потому беречь его надобно. За сим шлю тебе людишек из тех, о ком имею надежное ручательство.

А по весне, когда ты в вояж свой отбудешь, и сам загляну, погостюю недельку-другую.

Твой старый товарищ.

P.S. На свадьбу-то позовешь, извращенец несчастный?

Сложив письмо, Райдо сунул его в нагрудный карман.

Люди.

Нет, людей среди них не было, разве что наполовину, а у старшего – не больше четверти чужой крови, и то, эта четверть скорее ощущается, нежели видна.

Высокий, едва ли не с Райдо ростом. Недружелюбный. Он озирается настороженно, словно ожидает подвоха и от Райдо, и от самого этого места, в котором ему придется остаться до весны.

– Райдо. – Райдо протянул руку, и ноздри старшины дрогнули.

Чует болезнь? Что им рассказали? Вряд ли многое, и… и не хочется пускать чужаков на свою территорию, но и нельзя допустить, чтобы усадьба и дальше оставалась без защиты.

– Гарм, – ответили Райдо и руку пожали. Крепко.

Ладонь сухая. Мизинца не хватает. И на шее Гарма характерный рубец виднеется, который он старается прикрыть, платочек повязал желтенький, веселенький.

– Нам сказали, что есть работа. – Гарм говорил медленно, неторопливо, каждое слово пережевывая массивными челюстями.

– Есть, – согласился Райдо.

– До весны?

– Пока да, а там посмотрим. Идти некуда?

Гарм пожал плечами.

Значит, и вправду некуда. Пенсия? Или просто увольнение? Война окончена; и в армии отпала надобность, во всяком случае в той, прежней, куда брали всех. Кто останется? Тот, за кем стоит род. Или тот, кто удобен. Этот, сразу видно, своенравный. И наверняка многим успел дорогу перейти… а с ним и десяток.

– Задача простая. Охранять поместье и всех, кто в нем живет. – Райдо повернулся к дому.

Альва наверняка следит. И не обрадуется. Поймет, конечно, что охрана нужна, но все одно не обрадуется. Сбежит на чердак? Или сразу в башню? После того вечера она стала еще более тихой и задумчивой, чем прежде. Не женщина – тень бессловесная.

Гарм молча ждал продолжения.

– Поселитесь в доме. Сами выберете, где именно, места здесь хватает. Сегодня обустраивайтесь, а завтра… завтра съездим в город. Надо проведать старых знакомых. И еще. Альва моя. Надеюсь, недопонимания не будет?

– Не будет.

– И твои люди…

– Не станут высовываться.

– Хорошо…

Ийлэ и впрвду спряталась на чердаке, естественно, утащила за собой корзину.

– Не бойся. – Райдо сел рядом, оперся на теплую трубу. – Нам нужна защита, ты же понимаешь.

– Да.

– И за них поручился мой приятель. Совершенно безголовая личность, но параноик. Ему всюду мерещатся заговоры, поэтому каждого знакомого он проверяет. И этих вот проверил. Если сказал, что надежны, значит, так тому и быть.

– Да.

– Не веришь?

Отвернулась. Не верит. Точнее, думает, что надежны они исключительно для Райдо.

– Тебе будет неприятно видеть их?

– Да. – Хотя бы не лжет.

– Потому что они…

– Да.

– Но и я, и Нат тоже не люди… и не альвы.

– Я знаю. Я… к вам привыкла. – Она все-таки подняла взгляд. – Мне опять страшно. Почему, Райдо? Я точно знаю, что ты не допустишь, чтобы со мной… чтобы меня…

– Обидели.

– Да… я ведь нужна тебе.

– Ты сама не представляешь, насколько нужна. – Райдо убрал темную прядку. Волосы у нее отрастали быстро: темные, гладкие, пахнущие все тем же предзимним лесом, который полусонный, далекий и сказочный. И запах этот дурманил.

Наверное, он похож на безумца. А может, действительно безумен? В конце концов, почему и нет? Ведь если миру позволено было сойти с ума, то и с Райдо станется.

– Я… я все равно боюсь. – Она не отодвинулась, но, напротив, оперлась о его плечо. – Я представлю, как выйду, а там… они… кто-то… и не могу.

– Они к тебе не приблизятся, обещаю… это охрана. Защита…

Не для нее.

Она замолчала, просто сидела, положив руку на край корзины, разглядывая лицо спящей малышки. На-ни…

– Мне придется выйти, да?

– Да, – согласился Райдо.

– Сегодня?

– Хорошо бы.

– А… а если завтра? Я свыкнусь. Мне нужно немного времени… сегодня я здесь побуду…

– Здесь холодно.

– Ты не позволишь остаться?

– Не позволю. Страх… это нормально… мы с ним справимся.

– «Мы»? – Удивление у нее яркое, незамутненное.

– Конечно, мы. Ты и я. Сейчас дашь мне руку… ведь дашь?

Протянула узкую ледяную ладонь.

– Вот так… видишь, ты уже здесь замерзла, и не надо спорить. – Райдо подул на белые пальцы.

…а пальцы пахли…

Нет, не лесом, разве что самую малость, скорее водой. Хрустальный аромат родника, что пробился сквозь камень. И еще озера, из тех, что открываются на болотах: синие, бездонные…

– Мы встанем… – Он поднялся и потянул Ийлэ за собой. И та подчинилась. – И пойдем… вот так… корзину мне дай. Вообще надо сообразить что-то… не дело это – ребенка в корзине таскать.

– Почему?

– Потому что. – Райдо и сам не знал, почему именно, но, в конце концов, у него какой-никакой опыт в общении с младенцами имелся.

У него племянники. И братца младшего он помнит. И вообще, он точно знает, что младенцев в корзинах носить не принято, тем более что этот конкретный младенец растет и скоро корзина станет слишком мала для него.

– Мы завтра в город съездим…

– «Мы»? – Она остановилась и руку почти убрала.

– Мы, – подтвердил Райдо. – Ты и я. Ната возьмем, а то он скоро сбежит. Молчит, зараза такая, но я же вижу, что о девчонке своей беспокоится. Охрану возьмем…

– Зачем?

– Охрану?

– В город ехать.

– О! – Райдо не отказал себе в удовольствии поцеловать ладошку альвы. – Ты не представляешь себе, сколько всего нам в городе нужно…

Нахмурилась. Но руку не убрала.

– Во-первых, одежда… посмотри на себя! Ты похожа… вот не знаю, на кого ты похожа…

– На альву.

– Нет, на альву, конечно, тоже, но на бродячую альву…

– А я и есть бродячая.

Райдо хмыкнул: вот упрямое создание, но лучше пусть спорит, чем боится.

– Ты домашняя альва, – мягко возразил он. – Моя. И я ведь обещал, что буду заботиться о тебе. Обещал?

Кивнула.

– Вот. Завтра и начнем. Купим тебе нормальную одежду. И не только одежду. Тебе ведь гребень для волос нужен. Шампунь. Мыло… не спорь, я точно знаю,

что женщины кучу всякой ерунды используют… моей матушке это добро ящиками доставляют…

– Я не…

– К счастью, да, ты не моя матушка. – Райдо прижал к губам альвы палец. – Но тебе ведь тоже надо. Ийлэ, я хочу, чтобы тебе здесь было уютно. Не на чердаке, в доме. Ты, конечно, упрямая как ослица…

– Я не…

– Упрямая. – Он вновь прижал палец. – Но не ослица, согласен. Во-вторых, не ты одна в доме живешь. Нат вон растет… дорастает, точнее, рубашки уже трещат… и мне бы кое-чего глянуть надобно… в-третьих, Броннуин…

– Нани.

– …тоже требуется много чего… пеленки-распашонки… соска… игрушки какие-нибудь… и колыбелька. И вообще я в этом не очень-то разбираюсь, поэтому сама посмотришь.

– Но она…

Хороший повод, чтобы никуда не ехать. Он не потащит малышку в город, но Райдо отмахнулся:

– Луиза за ней приглядит. Она славная женщина. И не обидит.

Ийлэ не верит, ей не хочется верить, как не хочется оставлять Нани на кухарку. Вообще оставлять.

– Мне не будут там рады.

– А мне плевать на их радость. – Райдо провел пальцем по щеке.

Не отстранилась. Не заметила даже прикосновения, а если и заметила, то, верно, не сочла его неприятным…

– По городу прогуляемся, на почту заглянем, повесим объявление, что прислуга нужна, а то этакими темпами дом к весне так грязью зарастет, что не отмоем.

– Сюда не захотят идти…

– Захотят, Ийлэ.

– Ты не понимаешь…

– Я понимаю. – Он поставил корзину на пол и сам присел, заглянул в зеленющие, неправдоподобно яркие глаза. – Я понимаю, что дом этот считают едва ли не проклятым и что вас ненавидели, не именно вас, но альвов. Я понимаю, что ненавидят и нас, просто на всякий случай… войну начали мы, а пострадали люди. Но еще я понимаю, что война окончена. Нет, послушай, пожалуйста. Я это сказал не к тому, что многие проникнутся идеями мира и любви к ближнему. Не проникнутся, я не настолько наивен. Но людям нужна работа, а я готов ее дать…

Молчит. Не верит?

Почему-то обидно оттого, что она все еще не верит. И, конечно, Райдо понимает: ей нужно время, бездна времени, чтобы оттаять хоть немного… она уже оттаяла. И не замирает, когда видит его. Не следит за каждым движением, за каждым выдохом, пытаясь уловить момент, когда он занесет руку. А когда заносит, не для удара, но просто забывшись, что она рядом, то не сжимается больше в комок. И, наверное, уже этому он должен радоваться.

Радуется.

И этому… и ее рассказам… и тому, что она все-таки доверяет. Хоть немного, но доверяет, если говорит о прошлой своей жизни. Вот только радость получается горькой.

– Опять же прогуляемся… заглянем к шерифу… вдруг да выяснил он чего интересного.

– Ты… не отступишь?

– Нет. – Он взял корзину и руку протянул, сам нашел ладонь ее, все еще холодную и наверняка пахнущую сладко, водой. – Идем. К слову, я тебе не говорил, нет? Мне отписались из конторы. Они своего специалиста по сейфам отправили, вот завтра его и заберем…

– Там ничего не осталось.

– Быть может. – Райдо широко улыбнулся. – Но проверить надо же? И вообще, не лишай меня надежды! Я с детства мечтал, что когда-нибудь найду сокровище…

– И как?

– Нашел.

Отвернулась. И, пожалуй, слишком поспешно отвернулась…

Сбежала снова.

Псы были чужими.

Они держались в стороне сплоченной стаей, которая следила за Ийлэ.

Ненавидели? Презирали? Или знали о ней все-все? Псы не спешили делиться знанием. Смотрели издали.

Райдо представил их по именам, но Ийлэ не запомнила. Она боялась. Страх мешал дышать и думать. Она стояла оцепенев, не способная пошевелиться, и смотрела на одного, другого, третьего…

Старшего звали Гарм, и он разглядывал Ийлэ долго, пристально, а потом вдруг резко отвернулся и сгорбился как-то, сделавшись меньше.

– Мы будем охранять вас… леди Ийлэ, – сказал.

Ей не нужна такая охрана, но разве Райдо послушает? Вот он, рядом, за руку держит осторожно, словно рука эта хрупкая…

Скалится. Зол.

На Ийлэ? Нет, как только заметил, что она обернулась, успокоился.

– Прости, дорогая. – Теплые губы коснулись виска. – Теперь все хорошо… правда?

– Да, леди Ийлэ. – Гарм поклонился. – Прошу меня извинить.

– Конечно.

Она тоже умеет притворяться.

Леди Ийлэ?

Найо Ийлэ, та, из прошлой жизни, в которой столь важны ритуалы приличий. И в ней Ийлэ спрятала правильную маску – отстраненной доброжелательности… Кажется, ныне эта маска будет уместна. Главное, не потерять ее.

Маска держалась, ее хватило на обед, который тянулся невыносимо долго и проходил в тяжелом молчании. Маска позволяла Ийлэ спрятаться.

Смотреть со стороны.

Нат, в последние дни раздраженный сильнее обычного, на гостя смотрит недовольно, не давая себе труда недовольство скрыть. А гость в свою очередь разглядывает Ната с явным удивлением, которое Ийлэ непонятно.

Гость хмурится.

А Райдо вот спокоен.

Он рядом, не ест почти ничего и время от времени морщится, замирает, прислушиваясь к себе же.

Плохо? Если так, то не скажет до последнего.

– Не хмурься. – Райдо накрыл ее руку. – Подумай лучше, что в городе надо…

В город Ийлэ не хотелось совершенно. Но разве ее желания что-то да значат?

Коляска.

Надо же, сохранилась. Лак поблек, трещинами пошел, и кожа, которой сиденья обиты были, облезла, и пахнет нехорошо. Коляску установили на зимние полозья.

– Проветрить надо было бы. – Райдо коляску осматривает пристально и в какой-то момент останавливается, согнувшись, прижав руку к животу. – Проклятье… все нормально, забылся просто… когда тебе хорошо, то быстро забываешься, а оно вот… напомнило.

– Дай. – Ийлэ взяла его за руку и ладонь раскрыла, провела сложенными щепотью пальцами, вслушиваясь в тело.

Живое. Сердце бьется ровно. Легкие работают. Кости… мышцы… и тонкими нитями в них прорастает беспокойный разрыв-цветок.

– Да ничего…

– Ничего, – оборвала Ийлэ.

Он почти спит, и надо немного, если сейчас, то немного… и завтра… день ото дня просто поддерживать этот сон.

– Спасибо. – Райдо смотрел сверху вниз.

Шапку не надел. Он и тогда без шапки уехал. Как не мерзнет-то? У него ведь голова лысая…

– А почему ты… – Ийлэ не без сожаления выпустила руку и коснулась своих отрастающих волос, – не отрастишь?

– Страшный?

– Нет.

– Страшный… ну… как попал в больницу, так и обрили… и потом тоже так легче. Не мне – докторам… надо как-то гной спускать, и вот…

Какой-то неправильный разговор. Гной. Болезнь.

– Забудь, – говорит Райдо с неловкой улыбкой. – Нам пора… и ноги укрой, замерзнешь.

Он помог забраться в экипаж и ноги укутывал толстенной медвежьей шкурой, которую Ийлэ совершенно не помнила, а если так, то шкуру эту Райдо с собой привез…

Нат принес кирпичи, обернутые толстой тканью. И корзинку с едой. Шаль. Пару одеял…

– Я за ними присматриваю. – Он косится на Гарма, который наблюдает за этими сборами с ухмылкой. – Не бойся. Я не позволю им тебя обидеть.

– Почему?

Он ведь и сам не любит Ийлэ, хотя, пожалуй, уже не желает ее смерти.

– Потому что ты теперь сородич. Райдо поклялся тебя защищать. И я тоже должен.

Наверное, если поклялся, тогда да…

Сородич. Глупость какая. Она ведь альва, а Райдо… Райдо просто хочет жить.

– Воротник подними, – проворчал Нат. – А то продует…

Заснеженный тракт, и ветер в лицо. Небо синее, яркое, солнце на нем сияет парадной бляхой, и свет его, отраженный алмазной пылью наста, слепит. Ийлэ закрывает глаза.

И открывает.

Глотает холодный воздух, сама себе удивляясь, что вот она, живая, сидит в коляске, едет в город и вместо страха, того, который мешал думать, испытывает странное предвкушение.

Город начался с дыма. Запах его, по-осеннему пряный, Ийлэ ощутила задолго до того, как раскололось льдистое зеркало горизонта.

Город появился чернотой, пятном, которое расползалось, меняя форму. Уже не черное, но бурое, грязное какое-то, оно вызывало одно желание – стереть, и Ийлэ даже представила, что город вдруг исчез. Почему и нет? Провалились в сугробы низенькие дома окраин, широкая мощеная дорога, площадь и памятник королеве, трехэтажный синий особняк мэра и прочие особняки, менее роскошные и неуловимо похожие друг на друга. А следом за ними – лавки и кофейня, кондитерская, булочная, заодно уж – цветочный магазинчик, где можно было оставить заказ. Матушка любила подолгу перелистывать каталоги, обсуждая с престарелой найо Эллис новые сорта…

…и сама бы найо Эллис провалилась…

…а с нею – и найо Арманди… доктор, Мирра…

Ийлэ заставила себя выдохнуть и разжать кулаки: похоже, что ненависть не так-то просто сжечь, как ей казалось.

Не думать о них… а о чем тогда?

О том, что город не стал чище и дома прежние, и улицы, и люди, надо полагать, остались те же…

Райдо придержал лошадей и оглянулся:

– Ты как?

– Хорошо. – Ийлэ подняла воротник шубы, раздумывая, не спрятаться ли под медвежью шкуру?

– Врешь ведь.

– Вру.

Не хорошо, но и не плохо. Странно немного и страшно еще, потому что смотрят, останавливаются, провожают взглядами, что коляску со старым гербом на дверцах, что сопровождение ее. И взгляды эти отнюдь не дружелюбные.

Райдо остановился у гостиницы, сам спрыгнул с козел, потянулся, признавшись:

– Не привык я так… верхом вот – дело другое, а тут сидишь, трясешься. Всю задницу отбил.

Он протянул руку Ийлэ, помогая спуститься.

– От меня ни на шаг, – сказал, глядя в глаза. Ийлэ кивнула: не отойдет. Только Райдо не поверил, взял за руку, стиснул легонько, ободряя. И тут же нахмурился: – У тебя руки холодные. Почему?

– Замерзли, наверное.

Райдо лишь головой покачал и, бросив поводья мальчишке-конюху, велел:

– Распряги… и вечерочком, часикам этак к семи, запряги вновь. А мы пока погуляем…

Он и вправду гулял, неспешно, озираясь с немалым любопытством.

– Я здесь был, когда только приехал, но, честно говоря, помню мало, – признался Райдо. – Я тогда не просыхал практически. Хоть как-то спасало.

Держал он Ийлэ по-прежнему за руку, и, наверное, со стороны это выглядело странно.

– У мэра точно были… еще речь читал, такую занудную-занудную, а потом вечер с танцами устроил… у меня наутро голова болела… нет, все остальное тоже, но в кои-то веки голова особенно… выделилась.

Смотрели.

День ведь, третий час, самое время для прогулок… и гуляют многие…

Люди.

Просто-напросто люди, Ийлэ знакома с ними… была знакома, но какое это теперь имеет значение? Ее не видят.

Странное чувство, как будто ты есть, но в то же время тебя и нет. И не только ее, нет Райдо, который слишком велик и грозен с виду. И лицо шрамами расчерчено, и наверняка сегодня вечером за чаепитием литературного кружка будут обсуждать, до чего неприлично показываться на люди с таким вот лицом, а на внеочередном собрании клуба цветоводов пройдутся по одежде…

…и по наглому поведению Ната, который шел, глядя исключительно себе под ноги…

…и по охране… приличным людям охрана не нужна.

Наверняка обсудят все, не упустив ни одной мелочи, вроде старых сапог Ната или латок на рукавах его куртки, вот только про Ийлэ не вспомнят. Или вспомнят, но… о таких, как она, в обществе говорить не принято.

– Какие странные люди. – Райдо проводил взглядом парочку леди, которые, не имея иной возможности избежать неприятной встречи, перешли на другую сторону улицы. – Они меня боятся?

– Нет.

– Тогда…

– Это из-за меня. – Ийлэ не выдержала и оглянулась: смотрят. Молча. С… ненавистью? Или ей лишь кажется, что с ненавистью… конечно, кажется, люди далеко, вот она и придумала себе. За что им ее ненавидеть?

Такие, как она, достойны лишь презрения. И отвращения.

– Из-за тебя? – Райдо остановился и тоже оглянулся, пожал плечами. – Хренотень какая… полная… Нат, не слушай. Хренотень – это плохое слово…

Нат хмыкнул, показав, что этакую попытку воспитать его оценил.

– И вообще, какого хрыся ты за нами плетешься? Помнится, у тебя здесь дела имелись.

Он склонил голову набок.

– У гостиницы ждать буду, – буркнул Райдо. – Не опаздывай. И это… купи девчонке чего-нибудь, а то знаю тебя, так и попрешься… герой…

Уговаривать Ната не понадобилось.

– Полетел… он хороший парень, серьезный. Я вот в его годы таким раздолбаем был, что и вспомнить страшно… не одну девку… – Райдо осекся, разом посерьезнев. – Не подумай, что я… я не насильник. И не соблазнитель. И вообще… если знать, где гулять, чтобы нравы попроще… а этот вперся, подавай ему докторову девчонку… ладно, хрысь с ним, с Натом, пусть гуляет, лишь бы не вляпался ни во что. Идем.

Ийлэ идет. И спину держит прямо, как учили, даром что корсета нет, и подбородок задирает, примеряя очередную маску. Притворное спокойствие?

Легкое презрение.

Снисходительность.

В конце концов, какое им с Райдо дело до людей?

Глава 2

– Эй, парень, куда спешишь? – окликнули Ната, и он понял, что попался.

Дурная была идея – срезать. Местные переулки, тесные, узкие, что норы, выгрызенные в деревянном теле города, были удобны для таких вот внезапных встреч.

Нож лег в руку.

– Погоди… не нервничай, не трону… я поговорить с тобой хочу. – Человек сидел на широком подоконнике и разглядывал плеть, хорошую, витую, с жесткой рукоятью и ременной петлей на ней.

– О чем? – Нат заставил себя успокоиться.

Он сильней. Если бы их было несколько, тогда да… а от одного беды не будет.

– О делах семейных… присядь куда-нибудь.

– Куда?

Две стены. Слепые окна, укрытые за ставнями. Старая вывеска, залепленная снегом. И что написано – не разобрать, да и нет в том нужды.

– А куда-нибудь… я и вправду мирно поговорить хочу. Вот. – Альфред убрал плеть и руки поднял, продемонстрировал раскрытые ладони, белые, мягкие.

Женские какие-то.

– Ты сейчас к Нире идешь, верно?

Нат кивнул. Врать без особой на то необходимости он не любил, тем более в ситуациях, когда намерения его ясны.

– Не стоит.

– Почему?

– Ты же не хочешь ей навредить?

– Нет.

– И я так подумал, что не хочешь. Вы странные, на людей похожи, а все равно не люди… я слышал, что твой хозяин…

– Райгрэ.

– Какая разница? – Альфред разглядывал Ната, не скрывая любопытства.

– Большая. Райгрэ – вожак, а не хозяин. У меня нет хозяина. Я свободный.

– У всех есть хозяева, как их ни называй, но мы ведь не о том, верно? Все же присядь, беседа – дело небыстрое.

Нат оглянулся. Переулок был пуст. Ловушка? Не похоже…

– Почему мы говорим здесь?

– Потому что я не хочу, чтобы обо мне пошли нехорошие слухи. Я очень забочусь о своей репутации. И о репутации отца… и вообще, политика – дело такое…

правая рука зачастую не знает, что делает левая.

– И какая ты сейчас?

– Обе, – ответил Альфред. – Я хочу тебе помочь.

– Почему?

– Потому что тогда ты мне будешь должен. И когда я попрошу об ответной услуге, ты в ней не откажешь. – Человек улыбался.

– Я не предам Райдо.

– Боже мой, как плоско вы все мыслите. – Альфред спрыгнул с подоконника и пнул снежный горб. – Скажи, я похож на идиота?

– Не знаю, – честно ответил Нат. – Я не настолько хорошо с тобой знаком.

– Вопрос был риторическим. Дело вот в чем, парень… я никогда не прошу у людей того, что они не могут мне дать. К примеру, вот попросил бы я у тебя, скажем, дом поджечь…

– Зачем?

– Мало ли… жизнь – она такая, никогда не знаешь наперед, что в ней пригодится. Так вот, попроси я тебя о таком, ты же не подожжешь дом, а прямиком отправишься к своему драгоценному райгрэ с докладом. Я прав?

Нат подумал и кивнул: он и вправду поступил бы именно так.

– Поэтому и говорю, что от людей надо требовать по возможностям их. И от нелюдей тоже. Итак, тебе интересна Нира. И ты сейчас собираешься героически пробраться в дом доктора, чтобы встретиться с возлюбленной…

Нат нахмурился.

– Но хочу тебя разочаровать. Начнем с того, что прошлая твоя прогулка не осталась незамеченной. И, как сам понимаешь, в благородном семействе случился маленький скандал. – Альфред постучал рукоятью плети по бочке, и та отозвалась гулким тяжелым звуком. – Ладно, не такой уж маленький. Все же на кону репутация дочери…

– Я на ней женюсь.

– Экий ты быстрый. Кто ж тебе позволит-то? Моя дорогая будущая теща категорически против этого брака.

– Почему? У меня есть деньги. И я…

– Не важно. – Альфред прервал Ната взмахом руки. – Даже если ты всю улицу перед домом золотыми монетами вымостишь, Ниру тебе не отдадут. Раненое женское самолюбие – страшная вещь… Ниру отослали.

– Куда?

– К тетке… не волнуйся, это недалеко. Я покажу и даже провожу. На твою удачу, тетушка Ниры куда более реалистично смотрит на мир, а ко всему матушку ее недолюбливает. Поэтому чинить особых препятствий вашим встречам не станет. Единственное, тебе придется быть осторожным.

Нат кивнул.

Тетка? Поместье за городом? Это хорошо. В городе слишком много любопытных, и сложно было бы сохранить тайну…

– Вижу, ты все правильно понял. – Альфред оскалился. – А в дом доктора не суйся… там тебя ждут.

– Я не боюсь.

– Не бойся, верно, но подумай… это чужой дом, в который ты проник тайно. А если еще покалечишь кого, отбиваясь, то… ты один раз уже побывал за решеткой. Не нарывайся снова.

Что ж, за это предупреждение следовало поблагодарить. И Нат поклонился.

Наверное, можно было уходить. Альфред сказал все, что собирался сказать, но тогда почему сам он не спешит исчезнуть? Ему ведь проще. Он знает этот город, каждый его растреклятый закоулок, как знает и людей с их слабостями и притворной силой. Он привык играть.

– Чего ты хочешь? – Нат обошел человека, он ступал медленно и осторожно.

– Сейчас? – Альфред наблюдал за ним.

– Вообще.

– Власти. – Честен. У лжи острый запах, пусть люди и отрицают его существование. – Видишь ли… Нат… – Альфред оперся на стену и ногу выставил. Руки сложены. Плеть повисла бессильно. И человек словно бы забыл о ней, как и об ином оружии. Замер. Глаз с Ната не спускает. Улыбается. – Ничего, что я по имени?

– Ничего.

– В конце концов, мы в чем-то близки… мне адски скучно в этом городке. Никчемный он. – Альфред демонстративно зевнул. – Из всех развлечений – охота…

– И за кем здесь охотятся?

– А кто за кем… за девками… за прибылью… порой и просто пострелять выезжают. Но главное, что я хочу отсюда выбраться.

– Что мешает?

– С одной стороны – ничего… с другой… Допустим, уеду я? И кем буду? Провинциальным парнишкой? Здесь я – человек известный, сын мэра, друг шерифа, доктора и многих иных уважаемых людей. Перспективный юноша с хорошими манерами. – Он говорил об этом с улыбкой, которая неимоверно Ната

раздражала. – Здесь меня знают и любят. В большинстве своем любят. И я пытаюсь получить от этой любви дивиденды… Не понимаешь?

Нат покачал головой.

А ведь не лжет Альфред. Ему и вправду скучно и, пожалуй, не с кем поговорить, чтобы начистоту. И Ната он считает если не приятелем, то… должником?

– Я хочу стать мэром… – Альфред присел и зачерпнул горсть легкого снега. – Как папочка. Такая милая детская мечта… для начала мэром… а там… видишь ли, вас ведь немного осталось. Раньше были псы, и альвы, и люди, конечно, о которых изредка вспоминали. Потом псы затеяли войну, и альвы ушли из мира. Вы остались, это да, но реальность в том, что и до войны вас было немного. А теперь и вовсе… освободились места у власти. И если прежде людям дозволялось управлять… скажем, такими вот городишками, как этот, то теперь… теперь открылись совершенно иные перспективы. Конечно, в ваш Совет нас не пустят, но… как знать, быть может, позволят создать собственный.

Нат пожал плечами: ему было совершенно все равно.

– Неинтересный ты, – покачал головой Альфред, ссыпая снег с ладони. – Реальность в том, что ваша война перекроила весь этот мир. И вам рано или поздно, но придется считаться с людьми. И я хочу подготовиться… заручиться поддержкой…

– Нашей?

– И вашей тоже. К сожалению, я несколько неверно оценил твоего… вожака. А исправить первое впечатление крайне сложно, но мы постараемся?

– «Мы»?

– Мы, Нат. Ты и я… подумай сам. К чему тебе ссориться со мной? А мне ссориться с вами? Напротив, я готов помогать во всем. Скажем, если вдруг у тебя возникнет желание заключить брак с Нирой, то… в магистрате тебе просто-напросто откажут этот брак зарегистрировать. А отец мой в жизни лицензию не выпишет, не захочет ссориться с Арманди…

– Я могу уехать в другой город.

– Верно. А доктор – отбить оптограмму и обвинить тебя в похищении дочери. Нат, не злись, это все теория, практика же в том, что я могу уладить эту ситуацию мирным путем. Мне ни к чему конфликты в моей семье… Видишь ли, – теперь Альфред разглядывал собственные ногти, и с преувеличенным вниманием, – я собираюсь жениться на Мирре… – Он поморщился, очевидно, мысль об этом браке не доставляла ему особой радости. – Стервочка, конечно, но с правильным происхождением, а правильное происхождение заставляет закрыть глаза на некоторые недостатки невесты…

– Такие, как привычка подливать яд?

– Не яд, но снотворное. Разница существенная, но эта выходка и впрямь была глупой. Надеюсь, я сумел донести до Мирры свое недовольство… важна даже не она и не матушка ее… к слову, когда-то она сбежала из дому по большой любви, и что от этой любви осталось? По мне, так хороший расчет куда верней. Дед Мирры – весьма уважаемый промышленник. И сколь знаю, война лишь приумножила его состояние. А заодно унесла жизнь двоих сыновей. Не смотри так, я к этому точно не причастен. Сейчас у старика нет иных наследников, кроме Арманди… – Альфред замолчал, но молчание это продлилось недолго: – А еще он славится своей нелюбовью к таким, как ты… и если Нира выйдет за тебя замуж…

– То наследства не получит?

– Верно.

– У меня есть деньги.

– И замечательно. Я очень за тебя рад. У меня тоже они есть, но, когда собираешься сунуться в политику, денег мало не бывает. Я собираюсь жениться на Мирре и примирить ее с дедом. Полагаю, он оценит выбор старшей внучки… я умею производить нужное впечатление.

В этом Нат не сомневался.

– Соответственно, с одной стороны поддержка мне обеспечена, а с другой… хватит, если мешать не будут. Твой… вожак, полагаю, имеет некоторый вес среди своих. И, оказав услугу тебе, я окажу услугу и ему. И, соответственно, могу рассчитывать на ответную любезность.

Альфред не лгал, во всяком случае, не так, чтобы ложь эту Нат мог ощутить. Однако Нат не был настолько глуп, чтобы поверить, что этот человек полностью откровенен. Он из тех, кто умеет играть со словами. И нынешняя откровенность – часть игры.

– Вот как-то так… – Альфред развел руками. – Мне не нужны враги.

– Я передам Райдо.

– Это было бы замечательно… это было бы просто чудесно… – Альфред отступил к стене, освобождая проход. – Тебе лучше вернуться на площадь. И еще, Нат… в качестве бесплатного совета… дружеского, раз уж мы с тобой почти друзья… не стоит относиться к людям снисходительно. Они куда опасней, чем кажутся.

Наверное, и за этот совет можно было бы сказать спасибо.

Но Нат промолчал.

Спина прямая.

Плечи расправлены.

Живот втянут.

Надо сосредоточиться на этом, на осанке, на походке, на погоде и снежинках, которые кружатся, оседая на старой куртке Райдо. И на куртке, пожалуй, тоже можно сосредотачиваться, на потертости кожи, на швах и грубых нитках, которые выглядывают. На том, что нитки эти лоснятся… и куртку Нат поутру натирал воском, отчего к коже приклеился слабый медовый аромат.

Главное, он успокаивал. И не было мира дальше этого треклятого рукава. Самой руки, за которую Ийлэ держалась, страшась заблудиться. Она знает этот город хорошо, но он изменился.

Улица прежняя. И мостовая, и аккуратный тротуар, вымощенный квадратной плиткой, дома, витрины, за которыми прячутся тени-манекены. Они тоже смотрят на Ийлэ. Следят. Не одобряют.

Падшим женщинам не место здесь, ни на площади, ни на главной улице, единственной, пожалуй, вымощенной этой растреклятою плиткой, которую выписывали и доставляли подводами. Падшие женщины обитают на окраинах, в деревянных домах-ульях, где им самое место.

– А здесь? – Райдо остановился у очередной витрины. – Глянь, какое платье нарядное. Тебе пойдет.

Винный бархат и золото. И, пожалуй, в прежней своей жизни Ийлэ с удовольствием бы примерила этот наряд, позабыв о том, что девушкам не пристало носить столь вызывающе яркие цвета. Но купила бы все одно что-нибудь попроще… у найо Грэма нашлось бы. У него всегда находилось именно то, что было по вкусу Ийлэ.

…очаровательное платьице из кисеи, собравшее все оттенки зеленого, от полупрозрачного-листвяного до темного, тяжелого даже…

…и другое, шерстяное, цвета кленовых листьев и листьями же расшитое.

…и мамино, темно-синее, почти траурное, но слишком откровенное, пожалуй. Ей к лицу темные тона, и найо Грэм говорит то же. И смотрит так, с прищуром, выискивая недостатки наряда. Его платья должны быть совершенны.

– Нет. – Ийлэ отступила от витрины.

– Почему?

Потому что… потому что найо Грэм – лучший портной в городе, а поговаривали, что прежде он держал модную лавку в Аль-Ахэйо, но переехал, и вовсе не

потому, что дело его прогорало…

– Ясно. – Райдо решительно толкнул дверь. – Прошу вас, леди…

И в спину подтолкнул легонько.

Порог здесь высокий. Пахнет свежей хвоей и еще корицей. Мелом. Тканью. И слегка – розовой водой…

День, но газовые лампы горят, и в лавке светло, пожалуй, слишком светло, и от этого света Ийлэ прячется за псом, который застыл, вертит головой, осматривается.

Обыкновенный магазин. Конторка. Стойка. Зеркала.

– Вот, это тоже вроде ничего. – Райдо совершенно невежливо тычет в деревянного болвана, на которого надели домашнее платье. – Тепленькое. Как раз для зимы.

Платье хорошее. Темно-зеленая шерсть, отделка желтым кантом. Два ряда крохотных пуговиц, обтянутых желтым атласом. Рукава свободные, но с широкими манжетами. Воротник-стойка.

– Примеришь?

– Господа, рад вас… – Найо Грэм осекся. И нахмурился.

Невысокий, он за прошедший год стал, кажется, еще полней, хотя и прежде не отличался особой стройностью. Человек-шар, обтянутый темно-красным бархатом.

Он любил яркие цвета и еще кружево и этим своим пристрастиям не изменил.

Кружевные манжеты.

Кружевной воротник.

И кружевной платок в тонких детских пальчиках.

Он смотрел на Райдо снизу вверх, с недоумением и обидой, которая столь ярко читалась на круглом его личике, что у Ийлэ возникло ощущение, что эта обида тоже маска.

– Нам платья нужны, – сказал Райдо, наклоняясь к человеку. – Вот это, зелененькое, возьмем. И красненькое тоже. И еще надо домашних парочку. Для начала. Амазонку приличную. Дорожное платье. Вечерних…

– Платья? – беспомощно переспросил найо Грэм.

– Платья, – подтвердил Райдо. – Всякие. Ну и чего там к платьям надо… чулки, подвязки, подъюбники… нижние рубашки, только чтобы хорошего качества… белье… она скажет.

И вытащил Ийлэ из-за спины.

– Она?

– Она.

Найо Грэм увидел ее сразу, он был внимательным человеком, забавным, но все одно внимательным.

И расстроенным.

– Вы хотите, чтобы я… – он выставил кривоватый мизинчик, – сшил платья для нее?

– Хочу. Те, которые готовые, мы тоже возьмем, но их по фигуре подогнать надо. Сделаете?

– Простите, но… – Мизинчик дрожал, а сам найо Грэм очень старательно не смотрел на Ийлэ. И отражения его многочисленные тоже пытались отвернуться. В отражениях найо Грэм выглядел странным образом выше и стройней. – Но я не могу исполнить ваш заказ, – наконец произнес он печально.

– Почему?

– Потому что об этом узнают.

– И что?

Райдо не понимал.

Твердолобый, упрямый пес, который вряд ли изменится. И Ийлэ не знает, хочет ли, чтобы он менялся…

…а ведь изменится, весной, когда она исполнит свою часть сделки. Сейчас он зависит от Ийлэ, как и она от него. Но выздоровев…

Найо Грэм громко вздохнул и ручку прижал ко лбу.

Лоб он подбривал, чтобы тот казался выше. А редкие волосы подкрашивал и заплетал в косицу, тощенькую, что хвост мышиный. И сейчас с этого хвоста свисала золотая ленточка.

– Это меня разорит.

Райдо смотрел на человека сверху вниз, выжидающе. И недоумевая?

– Я… – Найо Грэм терзал платочек или уже не его, но манжеты свои. – Мои клиентки… супруга мэра… и найо Арманди… и многие иные дамы… достойные… уважаемые… почтенные даже… они будут оскорблены, узнав, что я продал платье какой-то… метресс.

Ноздри Райдо дрогнули.

– Быть может, у вас там, за Перевалом, и принято, чтобы содержанки одевались там же, где и… приличные дамы, но не здесь! – И на щеках проступили серебряные капли. – Здесь подобное невозможно!

– То есть, – Райдо теперь говорил очень тихо, глухо, но от голоса его найо Грэм задрожал, – Ийлэ теперь недостаточно хороша…

– Умоляю меня простить, но…

– Идем. – Он стиснул руку Ийлэ, а дверь несчастную, которая точно не была виновата ни в чем, пнул, вымещая на ней, безмолвной, ярость. Уж лучше на ней, чем на Ийлэ. – Вот же… чтоб тебя… с-скотина… достойные дамы… – Он пнул уже не дверь, но фонарный столб. – Лицемеры хреновы!

И только тогда Ийлэ выпустил.

– Извини, – сказал, прижимаясь к столбу лбом. – Я… испугал тебя?

– Нет.

– Испугал. Я не хотел. Я просто… я когда вижу таких вот… небось раньше ковром расстилался, верно? Перед моей матушкой едва ли не на брюхе ползают. Леди то, леди сё… ручки целуют… кофеи, чаи… шоколады… а тут… – Райдо потер щеку. – Мерзко это все.

– В городе есть и другие лавки. – Почему-то Ийлэ не испытывала ни гнева, ни обиды, только искреннее, пожалуй, удивление оттого, что пес думал, будто могло быть иначе.

– Есть… хорошо, что есть… надо найти кого, чтобы с тебя мерки сняли, и выпишем платье… дюжину…

– Тогда уж две.

– И две выпишем. И все десять.

– Зачем мне десять дюжин платьев?

Раньше у нее было… пожалуй, столько и было или даже больше. Целая комната-гардеробная и еще одна – для туфелек… и полки с деревянными головами для шляпок. Огромный шкаф, где хранили перчатки и чулки. Нижние юбки.

Подушечки турнюров. Шкатулки и шкатулочки, но не с драгоценностями – с булавками, иголками и нитками, с лентами и тесьмой, с перьями крашеными, бусинами и прочими мелочами, которые казались тогда жизненной необходимостью.

Кому все это досталось?

Кому-то…

– Не знаю. Мерить будешь. И вообще, я же знаю, что женщине надо много платьев…

А живое железо так и держалось, не уходило. Серебряные капли расползались по щеке, и Райдо трогал их.

– Ты злишься? – Ийлэ протянула руку и потом только подумала, что, наверное, не следует к нему сейчас прикасаться.

– Немного. Не на тебя. На этого… на этих…

Подумала и все равно прикоснулась. И живое железо ушло под кожу.

– Я… наверное, не надо было, да? – Ийлэ отвела взгляд.

– Надо было.

А он руку перехватил, но отпустил почти сразу.

– Прости, я знаю, что тебя не стоит трогать… что тебе неприятно.

– Я такого не говорила! Про то, что неприятно…

Приятно. И страшно, потому что так не должно быть. Он ведь пес, а Ийлэ – альва. И связывает их исключительно сделка. Взаимовыгодная.

– Значит, не неприятно? – Он подался вперед, наклонился почти и оказался слишком близко, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Но парадоксально, именно так Ийлэ себя и ощущала. С ним.

– Нет.

– Хорошо тогда. – Райдо вдруг сгреб ее в охапку, прижал к куртке и подбородком в макушку уперся, потерся, ласкаясь. – А то мне тяжело не трогать. Ты не подумай чего, просто… потребность такая, говорят, что у всех наших, но у меня особенно ярко выражена. Я тебе рассказывал, что с медведем спал?

– Рассказывал.

Неприлично стоять вот так, в обнимку. На улице. Перед витриной магазина, из которой за ними наблюдает безликий манекен в платье винного колера, а где-то там, в тени, прячется найо Грэм, который слишком хорош, чтобы одевать таких, как Ийлэ.

И плевать. На него. На улицу. На сам этот город, который Ийлэ уже презирает и ненавидит, хотя она ничего не сделала.

– А потом я в школу уехал…

– И это рассказывал.

– А когда вернулся, то выяснилось, что она его выкинула…

– Кто?

– Матушка моя. Она вообще мою комнату полностью переделала. Сказала, я уже взрослый и комната должна быть взрослой. И в бездну ее, комнату, но по медведю я скучал.

– Мы можем купить тебе другого. Здесь есть магазин игрушек…

– Да? – Райдо отстранился и, смерив Ийлэ насмешливым взглядом, спросил: – А ты уверена, что нам медведя продадут?

Ийлэ пожала плечами: не уверена, но что мешает проверить?

Глава 3

Медведя Райдо отыскал. Не для себя, конечно, все-таки он уже достаточно взрослый, чтобы спать в одиночестве, но для малышки.

Ей понравится.

Конечно, понравится, большой, сшитый из лоскутов мягкой плюшевой ткани, с глазами-пуговками, что смотрели на Райдо по-медвежьи внимательно, с печальной улыбкой на морде, с белой манишкой и в черном сюртуке, в котором у медведя был на редкость глупый и несчастный вид.

– На меня похож, правда? – Райдо медведя обнял. Пахло от него свежей стружкой и еще мятой, душицей и кардамоном. Наверняка внутри игрушки были спрятаны пакетики с сухими травами.

– Похож, – после некоторого раздумья согласилась альва.

Из этой лавки их не пытались выставить. И хозяин, сухонький старичок с белыми волосами, которые торчали седым облаком, самолично вынес медведя из подсобки…

…а еще кукол представил. И кукольный дом обещал привезти.

Он говорил с Райдо сиплым низким голосом. Глаза его слезились, а руки дрожали. В самом магазине было сумрачно, тесно.

Полки. Игрушки на полках. Оловянные армии и армии деревянные, застывшие друг напротив друга… потускневшая медь труб и потерянные барабаны.

Круглолицые куклы в пыльных нарядах. Лошадки-палочки. Игрушечные, посеребренные сабли…

Сокровища, которые больше не были нужны. И от этого становилось не по себе…

– Нам бы еще кроватку детскую… и погремушек… и еще браслет на ручку, а лучше два. – Райдо повернулся к альве, которая молчала, но держалась рядом.

И хорошо.

Ему нравилось, когда она была рядом. И вовсе не потому, что тварь внутри тоже чувствовала близость Ийлэ, успокаивалась. Тварь внутри… да просто тварь, ей зима навевает спокойные сны. Дело не в ней и не в том, что весной, быть может, случится чудо и Райдо эту весну переживет, а за ней лето и осень… и хрысеву тучу весен, лет и осеней. Зим тоже.

Дело в Ийлэ.

И в том, что она больше не боялась его.

– У меня племянницам матушка браслеты дарила и колечки всякие. Крохотные такие! Я их и в руки взять боялся, чтоб не раздавить… а браслеты с узорами разными, вроде цветочки какие-то… и брошки еще!

Кивнула, соглашаясь. И в тень отступила. Еще немного, и вовсе забьется в самый дальний угол, где скрываются сломанные куклы. Они бы с куклами поняли друг друга, а у Райдо не получается. И он диктует список того, что нужно, старику, а тот сосредоточенно записывает, выводит букву за буквой. И трет ладонью слезящиеся глаза.

– Доставим, – обещает. – В лучшем виде… завтра с утра и доставим. И медведя, если хотите…

– Нет. – Медведя Райдо не отдаст.

С медведем ему спокойней.

– Теперь куда? – Ийлэ прячет руки в рукава и отступает на шаг.

Независимая. И бестолковая.

– Теперь… теперь к шерифу заглянем. Ты со мной?

Пожала плечами.

Рядом держится, близко, но соблюдая одной ей известную дистанцию. Она выглядит почти спокойной, умиротворенной даже, и Райдо поверил бы, если бы не взгляд ее, который скользит по витринам. Не вещи она разглядывает, за этими витринами скрытые, но отражения охраны.

– Не надо их бояться. – Райдо сунул медведя под мышку и свою альву за руку взял, так и ей спокойней, и ему приятно. – Они просто… присматривают.

И присматриваются.

Альва им не по нраву, Райдо чувствует глухое, скрытое недовольство. И сама мысль о том, чтобы пригласить кого-то в дом, уже не кажется удачной.

– Я не боюсь. Я разумно опасаюсь.

– Общество Ната на тебе дурно сказывается?

– Это почему?

– Хмуришься и ворчишь.

– Я не ворчу, я…

– Разумно возражаешь.

– Именно. – Она все же подвинулась ближе и пожаловалась: – У тебя руки холодные… и… можно, я на улице подожду?

– Нельзя.

– Райдо…

– Ты не хочешь его видеть?

Покачала головой.

– Он тоже тебя…

– Нет! – Ийлэ вцепилась в палец. – Нет, он… он просто… я не могу объяснить!

– Спокойно.

– Я… я спокойна. Почти.

– Вот именно, что почти. Если хочешь, вообще туда не пойдем. Я потом один съезжу…

– А я…

– Останешься в доме.

– Без тебя? – Эта мысль определенно пришлась ей не по вкусу. Ийлэ отвернулась, но отражение ее в витринах, слишком близкое, слишком яркое, чтобы спрятаться, показало гримасу ее лица. – Я… не хочу оставаться там без тебя.

– Они…

– Я знаю. Ты им веришь. Ты… они… твоей крови… расы… но я…

– Боишься?

– Да, – выдохнула она. – Боюсь. Я… я почему-то всего боюсь. И это пройдет, наверное, но не сейчас… я понимаю, что они не тронут меня, что ты запретил,

только… мы вместе пойдем. Сейчас. Ладно? И я могу на улице, а могу с тобой… и с тобой лучше… – Она ухватилась за эту мысль, которая самой ей показалась внезапной, но вдохновляющей. – Да, с тобой лучше… тем более что я его знаю. Он неплохой человек, только… он здесь всегда был. То есть, конечно, не всегда, но раньше мне казалось, что шериф, он как город… часть города… и мэр тоже… и доктор. Представляешь, какая глупость.

Ийлэ говорила быстро, пряча свое волнение за этими вот словами, и Райдо слушал. Сжимал безмолвного медведя. Улыбался, потому что кому-то нужно было помнить, каково это вообще – улыбаться… и смотрел на витрины, правда, видел в них вовсе не охрану Ийлэ, а саму ее.

Белое лицо, заледеневшее. Маска притворной радости, хотя для радости поводов вовсе нет. И содрать бы ее, но тогда только с кровью, потому как собственное Ийлэ лицо не готово еще открыться.

– Они были, сколько я себя помню… и я думала, что так будет всегда, до самой моей старости… лет до тридцати. А то и до сорока.

– Мне тридцать восемь.

– Да? – Ийлэ остановилась. – А старым ты не выглядишь…

– Я и не старый вовсе.

– Не обижайся.

– Не обижаюсь, но… так что там с шерифом? Он тоже на чай заезжал?

– Случалось. – Она все еще стояла, разглядывая Райдо.

Тридцать восемь – это ведь не много?

У него братья старшие… и Кейрен, но тот сам почти щенок… и вообще, Райдо не чувствует себя старым. Уставшим – это да, есть немного. И еще больным, но потому, что он и вправду болен. А вот чтобы старым… старость – это седина в волосах, руки дрожащие, ноющие раны.

Или нет?

У него руки дрожат по утрам, а раны ноют постоянно, что же до волос, то их Райдо сбривает, поэтому и непонятно, есть в них седина или нет.

– Он больше виски любил. И табак. Мама называла его ужасным человеком, а мне он нравился. Он привозил конфеты… не шоколадные, шоколадные у нас свои имелись. Наша кухарка совершенно потрясающие трюфели делала. А он приносил петушков на палочке. Или зайчиков. Знаешь, таких, из расплавленного сахара? Дешевые…

– Но вкусные, знаю. Я их обожал.

– И мне нравились. Он их вытаскивал из кармана, говорил, что лесные конфеты, что, мол, с ним лес делился… мама запрещала их есть, а я все равно… это наша тайна была. Моя и шерифа… на конфеты еще табачная крошка налипала. И хлебная. И от этого они только вкуснее казались. А однажды я в городе потерялась. Я не хотела уходить, но в лавке было скучно. А снаружи – кот лежал… и я хотела его погладить. Шла за ним, а потом он в переулок нырнул, а я осталась… испугалась тогда сильно.

– Он тебя нашел?

Ийлэ кивнула, тихо добавив:

– Не сразу… часа два прошло. Я пыталась сама выбраться, все ходила… улицы, помню, и снова улицы. Люди какие-то… и грязь, и голуби, и вообще все… а я маму зову… шериф нашел и на руки взял. Сказал, что леди не плачут. А я разрыдалась, сказала, что не хочу быть леди, к маме хочу… он же нос вытирал. И платок сунул. И еще карамельку свою… он меня на руках нес, и я думала, что теперь-то все будет хорошо. Он же шериф. Он мою маму найдет.

Ийлэ судорожно выдохнула и провела ладонью по лицу, сама стирая уродливую маску.

Без маски ей лучше.

Без маски она уязвима, и Райдо понятия не имеет, как ее защитить, не от людей, но от воспоминаний этих. Он вдруг отчетливо представил себе ее, прежнюю девочку в воздушном платьице, быть может, розовом – матушка утверждала, что этот цвет просто создан для юных леди, но быть может, зеленом. Альвы любят зелень, и к глазам ее пошло бы…

– И ведь нашел. Передал. Даже попросил не ругать, хотя она и не ругала. Она сама очень испугалась тогда… тот человек… я ему верила. И городу верила. И дому. А они…

– Предали.

Кивок. И растерянность, будто она все еще там, в прошлом, на чужих улицах, среди чужих людей, но теперь она точно знает, что искать ее не станут. А если не станут, то и не найдут.

– Он… он ведь ничего не сделал. Заглядывал в дом… и знаю, что беседовал с…

– Браном.

– Да. – Коготки Ийлэ впились в ладонь. – С ним.

Вот это уже было интересно.

– О чем – не знаешь?

Она покачала головой:

– Меня… меня для них не существовало. Я была, и в то же время… внизу… держал.

Ийлэ обвела улицу невидящим взглядом. И пальцы ее онемевшие разжались, но Райдо не позволил руку убрать. Прижал ее ладошку к губам, попросил:

– Тише…

– Держал. Цепь… такая, на которой собак… и внизу… у лестницы… не в доме, а… уже холода наступили, а я… я не знаю почему… так захотел, и все… сказал, что животным на цепи самое место.

– Сам он животное.

У этой ярости нет выхода. И не будет, не здесь, не при ней.

– Шериф приехал. Спешился. Прошел… он на меня не посмотрел даже… понимаешь? Раньше конфеты… и леди… а прошел… на сапогах глина, сам мокрый… дождь был… тогда постоянно дождь… и спрятаться негде… холодно очень.

Пальцы дрожали. И губы кривились, но глаза оставались сухими. Если бы заплакала, глядишь, и легче стало бы, но не умеет, и Райдо только остается, что обнять, прижать к себе ее и дурацкого медведя, которого следовало бы оставить в лавке.

– А он идет… быстро так… взглядом скользнул, и все… как будто меня нет! Я же была… я помнила… все помнила, как он… и сейчас тоже… улыбаться будет…

– Будет, – согласился Райдо.

Виски ее теплые, и нить пульса стучит мелкой дробью.

– Всенепременно будет… но теперь мы оба знаем цену его улыбкам.

Почему-то Ийлэ опасалась, что шериф будет извиняться. Просить прощения, скажет, что у него не было иного выхода и ей надо понять и забыть, ведь в обществе принято забывать некоторые неудобные эпизоды. А Ийлэ не сможет.

Она держала Райдо за руку.

И снова боялась потеряться… город чужой, не улицами, людьми, словно Ийлэ каким-то удивительным способом попала на изнанку его.

С изнанки все видится иначе.

И шериф постарел, поблек. Прежде клетчатая его рубашка, красно-зеленая, казалась Ийлэ неимоверно яркой, она очаровывала, как очаровывали и желтые штаны с бахромой, и сапоги высокие, до колен, и шляпа. И сам этот человек, будто бы вырезанный из сердцевины заповедного бука.

Он был необыкновенным. И надежным.

Именно что был, и, когда Райдо толкнул дверь, Ийлэ закрыла глаза. Она так и вошла, вцепившись в его пальцы, ступая вслепую.

– Доброго дня, – раздался такой знакомый гулкий голос. – Какими судьбами к нам?

– Побеседовать.

А глаза пришлось открыть.

Тогда-то Ийлэ и увидела, насколько шериф изменился. Рубаха его выцвела, а может, слишком старой была, вот и потерялись цвета. И ничего-то чудесного нет ни в старых кожаных штанах, ни в сапогах…

– Садись, – велел Райдо.

Знакомая комната с тусклыми обоями, с полом, на котором видны проплешины. Старые шкафы. Папки, прошитые суровой нитью. Часы, которые однажды остановились, да так и стояли, поскольку вызвать мастера было недосуг. И отполированная до блеска скамья тоже старая. Ийлэ садится, и Райдо усаживает рядом медведя, приказывая:

– Охраняй.

А кто и кого охранять должен – не понятно.

На всякий случай Ийлэ берет медведя за лапу. Так ей спокойней.

…она снова маленькая девочка, которая сидит на этой же скамье, складывая бумажных журавликов. Бумагу шериф дал, она исписана дробным почерком, Ийлэ могла бы прочесть его, но приличные юные леди не читают чужих писем, даже если им очень-очень хочется.

Журавликов Ийлэ выставляет на край скамьи. Ей надо сделать семь раз по семь, и тогда с шерифом останется толика ее удачи. И она старается, ей хочется, чтобы шерифу немного повезло…

…журавли кричат.

Серый клин на сером небе, их и различить-то можно с трудом, а еще дождь. Ийлэ пьет воду, чтобы избавиться от тянущей боли в животе. Она плачет, кажется, не от боли, не от дождя, а потому что журавли летят… и уносят на крыльях ее удачу.

Всю растратила, глупая Ийлэ.

Всадник выныривает из сизой пелены, он оставляет коня и спешивается, идет неспешно, будто бы дождь для него вовсе даже не помеха, он этого дождя не замечает, как не замечает самой Ийлэ.

Она выглянула. Она понадеялась… на что? На маленькое чудо, на то, что человек появился здесь не просто так, но за нею пришел. И сейчас он скажет хрипловатым голосом, что юным леди не стоит сбегать из дому… и леденец протянет… и на руки возьмет…

А человек идет мимо.

Поравнявшись с ней, он не замедлил шага, как и не ускорил его…

– Зря вы дразните гусей, Райдо. – Его голос доносится из-за стены.

Правильно. Они не станут разговаривать в присутствии Ийлэ.

И дышать надо, глубоко дышать, вымывая из легких призрак того, сырого воздуха. Та осень ушла. И журавли улетели.

И тот, кого Ийлэ хотела бы вымарать из собственной памяти, издох. Еще бы и шериф ушел за ним, но на такой подарок Ийлэ не рассчитывала.

Шериф был жив и жить собирался, и, наверное, он дотянет до глубокой старости, меняя одну клетчатую рубашку на другую, жуя табак и рассказывая забавные истории из прошлого… правда, ту, которая с Ийлэ, не вспомнит.

Зачем? Она не забавная…

– Вы о чем? – Райдо близко.

Он не позволит обидеть Ийлэ. Ийлэ нужна ему. Без нее Райдо умрет. И она шепотом повторяла себе это вновь и вновь, убеждая не то себя, не то медведя, который, как и положено игрушке, сидел смирно, спокойно.

– Я о том, что не стоило тянуть ее в город. К чему эта дурная эскапада? – Шериф говорил спокойно, Ийлэ могла представить, как он стоит, сложив руки за спиной, выпятив грудь. И медные пуговицы на рубахе поблескивают. Ворот расстегнут, а платок сбился набок.

– Полагаете, ей всю оставшуюся жизнь прятаться надо? – Райдо раздражен. Странное дело, Ийлэ не видит его, и голос звучит ровно, спокойно, но она все равно знает – раздражен.

И быть может, на щеках вновь живое железо проступит.

Она бы вытерла.

Живое железо – это хороший предлог прикоснуться.

Как вышло, что прикосновения эти нужны не только ему? Да и нужны ли ему вовсе?

– Полагаю, – в тон Райдо ответил шериф, – что вашими усилиями эта оставшаяся жизнь может быть… очень короткой. И охрана вам не поможет.

Молчание.

Зачем Райдо здесь? О Дайне узнать? Он мог бы письмом обойтись… и смешно надеяться, что шериф расскажет ему…

– Вы ведь не за этим пришли, верно?

– Дайна.

– Дайна… – Шериф произнес это имя странным тоном, в котором почудилось… брезгливость? – Дайна… неприятное происшествие… очень неприятное, но, увы, случается…

– Вы нашли, кто ее убил?

– Нет, но вы не волнуйтесь, больше вашего паренька не обвиняют. Не в убийстве.

– А в чем обвиняют?

– В попытке совращения невинной девицы… у нас городок маленький, слухи ходят-бродят, обрастают ненужными подробностями, а парни ныне вспыльчивые. Тем более сейчас.

– То есть?

Ийлэ мысленно присоединилась к вопросу, она тоже не поняла, как зима связана с характером.

– Зима, – сказал шериф так, будто бы это что-то объясняло. – Развлечений никаких. Сидят по кабакам. Отдыхают. Разговоры разговаривают. А за разговорами и элем мало ли какая дурная мысль в горячие головы взбредет… как бы не решили вашего паренька поучить…

– Нат сможет за себя постоять.

Ийлэ кивнула, не для Райдо, для медведя, который наблюдал за ней глазами-пуговками. Медведи – звери опасные, никогда не знаешь, что у них на уме.

– Так-то оно так, – шериф по-прежнему говорил медленно, растягивая каждое слово, и в этой его манере Ийлэ виделась не то усталость, не то сонливость, но всяко – равнодушие, что к Натовой судьбе, что к тем беспечным людям, которым вздумается Ната поучить, – но пьяные драки – дело такое… непредсказуемое… поначалу кулаки, а там кто себя зело обиженным посчитает, то и за нож схватится… или за самострел… или еще какую пакость.

– Я понял.

– От и ладно, что поняли. Мое дело маленькое, предупредить смертоубийство, а то потом расследование, отчеты… чтоб вы знали, как я эти отчеты писать ненавижу.

Наверняка улыбнулся. Он всегда улыбался широко, не боясь показывать зубы, хотя зубы эти и были нехороши: кривоватые, желтоватые из-за пристрастия к табаку.

– Так все-таки, что с Дайной?

– Ничего, – возвращаться к этой теме шерифу явно не хотелось. – Убийство. Ограбление. Точнее, ограбление, а потом убийство… небось добычу не поделили.

Райдо молчал.

– Не знаю, в курсе ли вы, но Дайна подворовывала. В свое время она прилично из дома вынесла… часы там, столовое серебро… скатерочки нашли… платочки с монограммами… и платьев целый шкаф… забирать будете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/karina-demina/korolevskie-kamni

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити